

Два года спустя.

В бескрайней черноте космоса из точки гиперперехода медленно выплыл биологический крейсер – корабль, при виде которого трепетали армады и Империи, и Федерации.

Поверхность исполинского судна покрывала чешуя, отливающая холодным металлическим блеском.

Мужчина средних лет с двумя антеннами на голове, держа невесомый, словно крыло стрекозы, планшет, почтительно склонился перед сидящим в командном центре:

— Лорд Андрю, осталось пройти лишь две точки перехода до возвращения в Материнское Гнездо.

В иерархии Роя существовала жесткая градация. Восседающий в командном центре принадлежал к высшей касте клана Манс.

Чем выше ранг особи, тем совершеннее её человеческий облик.

В отличие от подчиненного с его выдающимися истинную природу антеннами, лорд Андрю обладал безупречно человеческой внешностью – ничто не выдавало в нём чудовищного зерга.

Андрю Манс надменно взглянул на склонившегося офицера низшей касты. Но не успел он открыть рот, как всё его существо пронзила дрожь, исходящая из самых глубин души.

Идеальная человеческая маска пошла трещинами – золотые глаза на миг превратились в фасеточные.

Не только он – каждая особь на борту, включая сам живой корабль, ощутила этот импульс.

Хотя никто из них прежде не испытывал подобного, инстинкт, заложенный в самой их сути, нёс единственное послание: в самом сердце территорий Роя пробуждается яйцо Матери.

Тысячелетнее ожидание подходило к концу – рождалась новая Королева!

Едва офицер успел прийти в себя от захлестнувшей радости, как увидел, что надменный аристократ распростёрся ниц, склонив голову к далёкому Гнезду. Его голос дрожал от неприкрытого фанатизма:

— О Высочайшая Мать Роя! Прими мои смиреннейшие благословения и мою ничтожную верность!

В тот же миг на родной планете Роя – в Материнском Гнезде – прокатилась волна вибраций на частотах, доступных лишь членам улья.

Целую планету сотрясала дрожь, длившаяся несколько минут.

Мириады белых насекомых кружили в небесах, осыпая землю разноцветными лепестками в честь грядущего появления Матери.

— Владыка, вы ведь знали о скором рождении Матери? — В просторном тронном зале Повелитель клана Манс, Олден, вскочил с места, его темно-золотые глаза сузились до крошечных точек от бушующих эмоций.

В обычное время Олден никогда не посмел бы говорить с Королем таким тоном.

Но клан Манс фанатично поклонялся Матери. Одна мысль о том, что признаки пробуждения давно появились, а их держали в неведении, заставляла терять контроль.

— Олден, ты смеешь допрашивать нашего Короля? — холодно процедил сидящий слева Повелитель Серебряных Крыльев, Норан.

— Ваше Величество, я не имел в виду... — Олден наконец осознал свою дерзость и склонил голову.

— Неважно, — наконец заговорил восседающий на троне. Его глубокие фиолетовые глаза изучали коленопреклоненную фигуру. — Действительно, больше года назад я ощутил первые колебания в коконе.

Как Король Роя он имел сильнейшую связь с Матерью и мог уловить малейшие изменения в коконе. Еще год назад он заметил слабое биение жизни в яйце, тысячелетиями считавшемся мертвым.

Но импульс был настолько слаб и быстро угас, что он не придавал этому значения.

Лишь в последние месяцы биеение жизни стало нарастать.

— Но почему... — Олден снова не сдержался, но вовремя замолчал, склонив голову еще ниже. Однако его постоянно меняющиеся зрачки выдавали бушующие эмоции.

Длинные пальцы Короля отстучали по подлокотнику трона, фиолетовые глаза опасно сузились.

В следующий миг тронный зал затопила невидимая, но осязаемая волна силы.

Особенно тяжело пришлось Олдену - его буквально распластало по полу.

Не прошло и минуты, как его лоб покрылся испариной.

Тяжелая аура сделала воздух густым и плотным.

Четыре Повелителя, привыкшие повелевать другими, остро осознали:

Власть Короля неоспорима.

— Повелитель Манс, — наконец поднялся Король, его серебристые, подобные звездам волосы заструились по плечам, — это последний раз, когда я терплю твою дерзость.

Лишь после этих слов давящая аура начала рассеиваться.

В охраняемой инкубационной камере возвышался белоснежный кокон размером с человека. Он пульсировал мягким светом, словно дышал.

В моменты, когда свечение усиливалось, оболочка становилась полупрозрачной, позволяя различить хрупкий силуэт внутри.

Бесшумно разъехались двери, впуская высокую статную фигуру – единственного, кто осмеливался входить сюда.

Изз медленно приблизился к созревающему кокону. Его темно-фиолетовые глаза холодно изучали то появляющийся, то исчезающий силуэт. Как существа высшего порядка, он и Мать не подвергались влиянию ментальных связей улья. Поэтому, в отличие от остальных, он не испытывал инстинктивной радости от её пробуждения.

Для него имел значение лишь нектар, который она начнет выделять после созревания – только так он мог вернуть большую часть своей запечатанной силы.

...

Тан Ли плыл в сладкой темноте, не ощущая времени. Постепенно рассеянное, как круги на воде, сознание начало собираться воедино. Он машинально пошевелил пальцами и почувствовал вязкую жидкость.

По мере возвращения чувств он осознал, что полностью погружен в эту густую субстанцию.

Он помнил, как перед потерей сознания увидел Тан Ирана, помнил его последние слова и удушающее ощущение погружения в воду.

А потом наступила вечная тьма.

Брат утопил его... так почему же он всё еще жив?

<http://bllate.org/book/13384/1190961>